

Окончание. Начало — на стр. 1

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ пагубное влияние во времена застоя, а затем и всё более очевидной деградации западной науки (ставшей почти целиком англосаксонской после уничтожения по итогам Второй мировой войны конкурировавшей с ней фундаментальной науки Германии и других стран центральной Европы и после разрушения СССР — советской науки) оказали всё более мощные корпорации, жёстко монополизировавшие наряду с другими направлениями и производство исследовательских приборов. Благодаря активной, энергичной и эффективной деятельности их мафии учёные уже давно вынужденно исследуют не то, что может помочь познанию, а то, что позволяет использовать всё более сложные, совершенные и потому дорогие научные приборы. В некоторых случаях эти избыточно сложные (а значит, избыточно дорогие) приборы, получив соответствующую репутацию в научных исследованиях, затем идут в массовое повседневное применение (классический пример — современная медицинская техника).

Принципиально значимым этапом в системной деградации западной науки, как и в целом западной политики и западных обществ, стало резкое и внезапное для выродившейся науки обострение глобального финансового кризиса в 2008–2009 годах. Именно тогда нехватка денег из традиционных источников заставила международные организации (в первую очередь пресловутую Всемирную организацию здравоохранения, но далеко не только её) перейти под фактический контроль глобальных корпораций (в первую очередь, конечно, ядра мировой экономики — инвестиционных "фондов" и их политических представителей в виде разного рода якобы благотворительных структур) и стать простыми инструментами реализации их политики. То же самое произошло и с западными политиками (особенно с той их

управленческий класс, а третьего подобного класса пока не видно — создаёт и создаёт науку как свой прежде всего политический инструмент. И здесь не должно быть никаких "общечеловеческих" иллюзий: наука как способ познания истины всегда есть инструмент прогрессивного класса, причём инструмент прежде всего именно политический, создаваемый и используемый ради всепоглощающей борьбы за власть.

Реакционный класс, неумолимо сходящий с политической сцены, столь же объективно заинтересован в строго противоположном — не в ускорении, а в замедлении общественного развития, неумолимо и явно несущего ему социальную смерть. Познание реальности и распространение знаний становится поэтому для уходящего реакционного класса не просто невыгодным, но и противоестественным, саморазрушительным занятием (в соответствии с памятной автору резолюцией, наложенной Чубайсом после сохранения Ельцина у власти на вторых президентских выборах в 1996 году, "в силу характера нашей власти любая аналитическая деятельность носит сама по себе по определению антигосударственный характер").

Кроме того, для уходящего класса познание реальности является неизбежно и познанием неотвратимости собственной гибели, что для него по понятным естественным причинам совершенно невыносимо психологически. Поэтому вместо объективистской науки он порождает суеверия, обман и, в самую первую очередь, — самообман.

Именно буржуазия — сначала национальная, затем международная, а затем и глобальная — в своё время, будучи ещё прогрессивным классом, создала науку в её современном виде — как общественный институт и специфический вид деятельности. Став реакционным классом в силу исчерпания ресурсов и собственного потенциала развития капитализма, она по столь же объективным причинам вынужденно

МИРОВЫЕ ВОЛНЫ

О гибели старой науки и рождении новой

частью, которая профессионально кичится своей независимостью): в поисках новых источников средств они окончательно вышли из-под контроля своих обществ, перейдя в услужение не только указанным глобальным корпорациям, но и глобальной же организованной преступности.

Западная же наука именно тогда завершила свою "полную и безоговорочную" капитуляцию перед администраторами, распределяющими всё более дефицитные финансовые ресурсы: они окончательно стали гарантированно более значимыми элементами научного процесса, чем учёные, и стали прямо диктовать им формы и направления их деятельности, полностью превратив исследователей в бесправные (и, соответственно, как это ни парадоксально, почти бессловесные) объекты своего управления.

Результатом стал "кризис воспроизводимости эксперимента", когда повторить большинство экспериментов, описанных даже в лучших научных журналах, оказывается невозможным. И дело не только в недобросовестности части исследователей, воспитанных миром формализованных до бессодержательности критериев. Не менее важна примитивность формальной структуры статей, навязанной учёным администраторами, в прокрустово ложе которой оказалось просто нельзя втиснуть адекватное описание сложных экспериментов.

Здесь самое время ещё раз напомнить, что в основе деградации современной западной науки, лишь усиленной описанными конкретными историческими факторами, лежала, лежит и будет лежать культурная специфика английской элиты — её стремление к подавлению (в прямом смысле слова любой ценой!) всех потенциальных конкурентов, в том числе скрываем от них реальных знаний и направлением "по ложному следу".

В частности, нерушимой традицией "доброй старой Англии" стало тотальное повсеместное сокрытие важнейших социинженерных технологий, доходящее до категорического запрета даже упоминать о них и столь же категорического требования яростно отрицать саму возможность их существования (вполне в духе пресловутого "Бойцовского клуба": первое и главное его правило — отрицать само его существование).

Соблюдать этот негласный и неписаный запрет тем легче, чем оно являлось и является органическим следствием и во многом порождением английской семейной культуры и традиции, направленной на недопущение всеми силами "выноса сора из избы!", попросту исключаяющей даже простое упоминание общеизвестного, но лишь подразумеваемого.

Такая традиция порождена, насколько можно судить, прежде всего наличием почти в каждой обеспеченной семье разнообразных "скелетов в шкафу" — как минимум из-за ломки психики поколений детей (прежде всего мальчиков, но отнюдь не только их) в элитных частных школах и университетах. Кроме того, возведённые в абсолют соображения личного комфорта и выгоды, как правило, противоречат даже официальной морали, что проявляется в крайне широком диапазоне девиационных социальных практик — от вполне нормальной для джентльменов викторианской эпохи привычки (и даже традиции) избивать своих жён до обычной английских леди из высшего света ещё в начале 90-х годов XX века недорого продавать себя в барах ради развлечения.

ОБЪЕКТИВНАЯ ПРИЧИНА ГИБЕЛИ НАУКИ

Представляется принципиально важным подчеркнуть, что сокрытие реальных знаний западной наукой (с почти неизбежной их утратой в перспективе), как и победа администраторов над учёными, как и в целом усугубление деградации официальной, традиционной науки были объективно обусловлены качественным изменением общественной ситуации — переходом капитализма из стадии прогресса к стадии разложения и, соответственно, превращением буржуазии (даже в виде наиболее передовой её части — глобального управляющего класса) из прогрессивной в глубоко реакционную силу, не оседлавшую прогресс и превратившую его в свой инструмент, а пытающуюся затормозить его ради самосохранения (этот переход окончательно завершился лишь в ходе "великого разворота" 1967–1974 годов).

Прогрессивному классу, находящемуся на подъёме, всегда объективно выгодно познание мира, так как он ощущает, что будущее принадлежит ему, и потому заинтересован в максимальном ускорении общественного развития и эффективным конструировании этого будущего в своих интересах, даже чего ему, разумеется, необходимо адекватно познать реальность. Поэтому ради победы в борьбе за власть он — первым выполнившим эту функцию классом была буржуазия, за ней пришла оседлавшая энергию крестьянства и рабочего класса в социалистической революции русская, а затем китайская интеллигенция, перековавшая лучшую свою часть в

визмом. Однако массовая наука для этой борьбы (в отличие от борьбы с советской цивилизацией) уже совершенно не нужна — и её бросили на растерзание дичающей от безнаказанности бюрократии и объективной потребности в дебиллизации масс для упрощения управления ими.

Тем не менее наука как процесс познания истины и связанный с нею технологический прогресс продолжают, хотя и далеко не в масштабах третьей четверти XX века. Причины — не только любознательность человека (этот инстинкт легко отшибается либерализацией системы образования), но и потребности как противоборства, так и самосохранения различных групп капитала.

Так, соцсети были созданы инвестициями финансовых спекулянтов, пытавшихся в начале нулевых отсрочить срыв человечества в глобальную депрессию стимулированием всех возможных видов активности и развития технологий. Из соцсетей вырос цифровой капитал — мопильщик финансовых спекулянтов, — но депрессию удалось отсрочить. И соцсети стали третьей (после природы и техносферы) средой обитания человечества — и наука нужна, чтобы развивать и исследовать их.

Поэтому, несмотря на сужение и вырождение научной деятельности, познание мира не только продолжается, но и переросло в его создание в виде созидания новой, цифровой, среды. Это революционное изменение глубоко преобразует (и мы видим это на себе, не говоря уже о детях) и самого человека. Это не механистичные до франкенштейновщины изменения, которыми презят трансгуманисты и прочие "алгоритмы" (которыми их часть себя считает): преобразования намного глубже. Поскольку они затрагивают само наше сознание, мы можем понимать их лишь с запозданием.

Но тем масштабней и сложнее задачи подлинной, то есть заключающейся в познании истины, а не в бюрократических процедурах, науки. Существенно, что, меняя себя,

ОТМОРОЗКИ РАДИ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАДЕЖДА

Приход к власти Трампа и его окружения не просто выразил кардинальное изменение доминирующих в мировом развитии групп капитала: на смену бесплодным в силу своей ориентации на дестабилизацию и дробление территорий финансовым спекулянтам пришла абсолютно и сознательно враждебные им представители цифрового капитала, опирающиеся на производительный капитал в силу общей заинтересованности в стабильности и максимальных размерах обществ, живущих по единым правилам.

При всей эпатажности, театральности и склонности к торгу в форме агрессии Трамп и его окружение — адепты технологического прогресса, и эта приверженность носит почти столь же религиозный характер, что и их приверженность Израилю: развитие технологий воспринимается как самодель, категорический императив, личный долг и единственно возможная (даже не единственно достойная) форма существования. Эта приверженность — едва ли главная надежда человечества сегодня. Ведь структура общества обозримого будущего продиктована структурой социальных платформ и вполне очевидна: наверху ничтожное число их владельцев и управленцев, ниже — небольшое число необходимых для их поддержания и развития специалистов, а затем — абсолютное большинство, занятое производством "цифрового следа" для обучения ИИ, которое не требует даже разума.

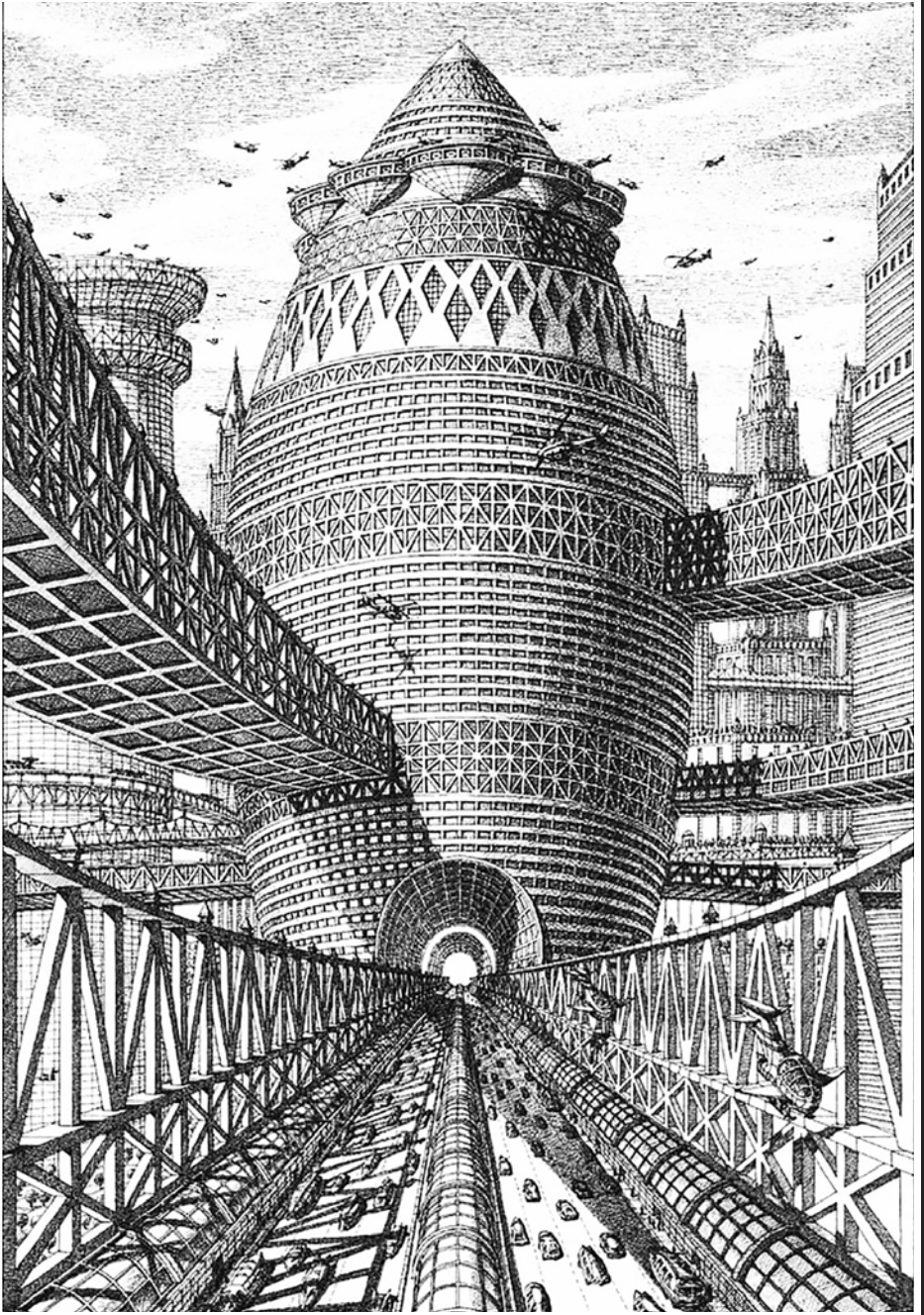
Продиктованная доминирующими технологиями, эта структура одинакова и для "электронного концлагеря" и "киберпанка" бесчисленных антиутопий, и для сияющего коммунизма, воспетого ранними Стругацкими. Разница между социальными адом и раем — в образе жизни: в первом варианте знание станет массово ненужным и, оставшись уделом избранных, быстро выродится в ритуал и умрёт как религия. После чего поддержание систем жизнеобеспечения станет слишком сложной задачей, и после отключения электричества поголовье деградировавшего человечества сократится на порядки, а не в разы.

Во втором случае люди смогут найти цель жизни в радости творчества, а управляющая система сможет направить его на благо всех. Для сохранения вероятности этого пути человек должен привыкнуть заниматься техническим и социальным творчеством ради удовольствия, а не выгоды, в крайнем случае в виде ритуала, вроде ежедневной чистки зубов.

Религиозная приверженность окружения Трампа технологическому прогрессу сохраняет шанс выжить, пойдя по второму пути. Трамп победил Камалу Харрис в первую очередь потому, что не является носителем установленных уходящей либеральной элитой поведенческих норм и даже юридического мышления как такового. Старые нормы умерли вместе с по недоразумению пережившими их финансовыми спекулянтами (кропотливо формировавшими их с самого начала своего возвышения — с эпохи Возрождения), и их даже не надо целенаправленно отменять — на них просто нельзя обращать внимание.

Какое отношение вполне заслуженно ждёт в этих условиях одичалую от затянувшейся безнаказанности либерастии отечественной сборки, так и не заметившую, что ВТО не работает с 2016 года, ВОЗ системно продвигает запрещённую в России идеологию экстремистского движения ЛГБТ, а МОК стал инструментом публичного унижения и растаптывания России, — понятие. Но здесь речь не о дикярях, а о прогрессорах. Хотя нет ничего более символичного, чем трактовка жесты Илона Маска на инаугурации "Вперёд, к другим галактикам!", взятого из американских фантастических фильмов о дальних космических полётах, как нацистской "зиги": человек видит лишь то, о чём думает, и заставляя в прошлом или обещаяе к нему воспринимают как его проявления даже символы будущего.

Главное в Трампе то, что он введён в распадающуюся глобальную власть как инструментом спасения США за счёт стимулирования технологического прогресса. Не "освоения денег под технологические галлюцинации", а прогресса в прямом смысле этого слова — то есть наглядных, зримых и осязаемых методов резкого повышения эффективности (включая и производительности труда). Поэтому трансгуманизм отравляется "лесом" в те же болота дикости и забвения, что и навязывание сексуальных извращений как нормы: в силу своей механистичности и сведения человека

к его заведомо несущественной части (набору алгоритмов) как идеология он неэффективен. Он хорош как стимул для исследований и совершенствования (как физического, так и когнитивного), его побочные результаты — от экзоскелетов до нейропротезирования — будут интенсивно развиваться, но порочность его фундаментального подхода уже отправила его на свалку истории.

Важно, что новое американское руководство, яростно созидающее для США новый мир (в первую очередь несением отживших напелиц, нагормождённых спекулятивным финансовым капиталом), при всей своей ненависти к Англии (ведь внутривидовая конкуренция сильнее межвидовой, а Англия действительно является единственным прямым врагом США) всецело принадлежит к англосаксонской политической культуре. В этом отношении оно понимает бизнес и в целом сотрудничество прежде всего как прямую, открытый и не нуждающийся в прикрытии или хотя бы обосновании грабёж и готово обсуждать что бы то ни было всерьёз только с теми, кто, как руководство КНДР в первое президентство Трампа, доказало способность себя защитить. Обсуждать что бы то ни было со всеми остальными — значит попусту транжирить время, которое, как и всё остальное в этом мире, должно приносить им деньги.

Гуманизм им непонятен в принципе. И потому стимулирование технологического прогресса будет осуществляться ими без оглядки на какие бы то ни было моральные ограничения — примерно так же, как в своё время осуществлялся работорговля, вымаривание населения Бенгалии в свете угрозы японского наступления или превращение Афганистана в базу для ведения героиновой агрессии против России и Европы.

И сегодня, в начале технологического развития человечества, надо понимать его перспективу, а не только переживаемый нами первый этап созидания нового мира — информационную революцию.

ТРИ ВОЛНЫ ТЕХНОЛОГИЙ

Фундаментальный результат информационной революции — формирование социальных сетей как третьей (после природы и продукции материальных технологий) среды обитания человека и социальных платформ (иначе называемых цифровыми экосистемами) как сверхэффективного инструмента управления каждым атомизированным человеком в отдельности, фактически отменяющего как управленческую функцию денег (и этим завершающую рыночную, экономическую эпоху), так и понятие "массы" как таковое. Оставляемые людьми (в том числе в соцсетях) "цифровые следы" являются основой тренировки и развития искусственного интеллекта, на глазах становящегося едва ли не главным фактором конкурентоспособности.

Информационная революция в принципиальном плане завершена: человечество в целом создало для себя качественно новую среду и теперь, с одной стороны, осваивает, а с другой стороны — доделывает её. Предстоит развить и изменить ещё очень многое, но в целом наш новый "информационный мир" построен и даже оснащён интеллектом. За то, где будет санузел и какого цвета клеить обои, ещё разразятся подлинные войны, но принципиальные вопросы решены, хотя мы вполне можем погибнуть под руинами информационной среды (например, из-за краха систем жизнеобеспечения в силу весьма наглядно нарастающей дебиллизации).

К сожалению, надежды, связанные с освоением космоса, несмотря на весь демонстрируемый энтузиазм и использование традиционной мечты для форсирования развития на Земле, скорее всего, в обозримом будущем останутся мечтами. С одной стороны, так и не решён вопрос о защите от жёсткого космического излучения за пределами магнитного поля Земли, с другой — стремительное нарастание массива космического мусора требует для его удаления объединения сил распадающегося человечества, на что оно очевидным образом не способно.

Поэтому вторая технологическая волна придёт с Земли. Она будет связана с разработкой и применением к человеку новых физических принципов и закономерностей (пока ограниченно применяемых даже в оружии) и по своим общественным последствиям будет сравнима с Великими географическими открытиями. Поэтому её можно будет называть Великой физиологической революцией.

Разумеется, её научное содержание будет неизмеримо шире человеческой физиологии — просто эта сфера по понятным причинам покажется нам наиболее существенной. К настоящему времени человечество прекрасно научилось воздействовать материалом на материал и изучило почти все аспекты таких взаимодействий. Но уже характер воздействия на материалы (не говоря уже о живой ткани) различных электромагнитных полей мы знаем неупотребительно мало — и, главное, не особенно хотим

знать. Изучая электричество более 400 лет, мы так и не смогли объяснить феномен возникновения электрического тока и решаем проблему в стиле "бога из машины" времён Просвещения — простым наименованием непонятной нам силы по выполняемой ею функции "электродвижущей".

Мы прекрасно понимаем колоссальное значение различий структуры одного и того же с химической точки зрения вещества (и в целом у нас хорошо с химией, но ещё плохо с физикой, особенно биофизикой) и, в частности, не путаем графит с графеном, а их обоих с алмазом. Но различие влияния на живые организмы одного и того же химического вещества разной структуры (даже простейшей воды) и вовсе игнорируется с упорством, достойным религиозного фанатизма (даже когда какие-то из этих организмов вдруг становятся нужным убит).

Точно так же методично отрицается (хотя и широко используется при разработке и производстве как минимум некоторых вакцин) тот факт, что в микромире — на уровне, например, вирусов — взаимодействия не только вещества сами по себе, но и формы, образуемые их частицами, причём характер взаимодействия или его отсутствия определяется в том числе формами (в частности, именно этим фактом, известным микробиологам, уже давно объяснена гомеопатия, раздражающая своим варварским средневековым языком ничуть не меньше, чем своей эффективностью).

Понятно, что системное изучение и научное осмысление уже имеющихся достижений в описанных сферах распахнёт перед человеком новые горизонты, включая кратное увеличение длительности полноценной активной жизни. Стоит отметить, что поразительные результаты уже достигнуты за счёт выявления рационального физиологического зерна в примитивных методах мобилизации сил организма (вроде переносённых на современный Запад ритуалов средневековых рыцарских орденов, связанных с сочетанием контролируемых психологических и физиологических шоков).

Понятно, что существенное продление жизни человека драматически изменит всю общественную жизнь. В частности, будет необычно ощутить себя в мире, где большинство людей умирает не от далеко отодвинутой старости, а — просто в силу накопления вероятностей — от несчастных случаев.

В отличие от второй, третья технологическая волна вполне очевидна уже долгие десятилетия — это широкое распространение возможности получения если и не полностью бесплатной, то, по крайней мере, очень дешёвой энергии. Разработки в этом направлении многочисленны и разнообразны (в эпоху отказа от эйфории, связанной с электромобильями, самое время вспомнить, что первый автомобиль Порше был электрическим, а в Нью-Йорке в начале XX века число автомобилей с электродвигателем и двигателем внутреннего сгорания было примерно одинаковым), но по понятным причинам бесплощадно блокируются монополиями.

Однако с распадом единых мировых рынков на макрорегионы монополии слабеют, а многие созданные ими чрезмерно дорогие в силу избыточного усложнения технологии лишаются спроса, необходимого даже для простого поддержания, не говоря о развитии (хотя бы потому, что ёмкость рынка каждого из макрорегионов, на которые распадается мир, существенно ниже привычной для глобальных монополий ёмкости глобального рынка). Поэтому раздавленные монополистами разработки неминуемо вырвутся в массовое применение, опираясь в том числе на новую физику, изучающую в первую очередь не материалы, а электромагнитные поля. Радикальное снижение стоимости энергии — если не "энергетический коммунизм", то уж "социализм" точно — кардинально изменит характер всей нашей деятельности и образ жизни, разрушив одни отрасли экономики и создав новые.

Разумеется, предельно эгоистичные и оготелые прогрессоры агонизирующего капитализма, сплотившиеся вокруг Трампа в отчаянной атаке на весь остальной пока ещё живущий в созданной финансовыми спекулянтами и потому старый для них мир, от которого они уже отреклись и прах которого они публично отрясают с ног Америки, бесконечно далеки от осознания изложенного. Но грибообразное "ошлёп в комнату, попал в другую" — образ действия не только бесконечно "ошибающихся дверью" престарелых обитателей выморочной российской эстрады, но и всего человечества в целом.

Михаил ДЕЛЯГИН

P.S. Подробнее по теме — в книгах "Цивилизация льдоедов: британские истоки Гитлера и Чубайса" и "Мир после информации: стабильность '[с]' той стороны".

Иллюстрация: архитектурная фантазия «Техно-кокон». Художник Артур Скижали-Бейс.